
Проблема вида в свете таксономики и видового дихроматизма птиц

29 июня 1955

Александр Федорович Котс

«А куда рукам и оку проникать возбраняет натура, туда достигать надлежит разумом, что, по моему убеждению, равно великим является».

—Ломоносов.

Основные тезисы доклада «Проблема вида в свете таксономики и видового дихроматизма птиц».

«Проблема Вида» и причины продолжающейся дискуссионности ее. Утрата актуальности этой проблемы при совершенной доказанности эволюции живой природы. — Индуктивность обсуждения видовой проблемы Дарвином и дедуктивность современного подхода к ней.

Моменты статики и динамичности при трактовании видовой проблемы.

Мнимая трудность различения **Видов** от «**Разновидностей**», — как главный аргумент в пользу изменчивости видов. Явная порочность понятия «Разновидность», как суммарного и обнимающего разные типы изменчивости внутривидового ранга.

Отрицательная роль бинарных наименований, затемняющих различия изменчивости видовой и внутривидовой.

Тринарная номенклатура, не всегда уберігающая от смешения понятий Вида и внутривидовых локальных форм /«подвидов»/. Пять Чечеток **Джулиана Хаксли**, как пример подобного смешения.

Объективные критерии разграничения этих двух разных категорий: обособленность морфологическая, локальная и половая.

Зависимость решения видовой проблемы от таксономических оценок изучаемых животных групп. — Проблема Вида, как «таксономическая». Подлинная эволюция живых существ и мнимая словесных построений.

Дарвиновы «хорошие» и «плохие» виды. Их сведение к «хорошим» Видам и Подвидам. Стабильность (относительная) подвидов в центрах обитаемых ареалов.

Моменты умозрения в суждениях о путях и формах превращения локальных форм в самостоятельные виды. Элемент постулятивности в суждениях о превращаемости видов из-за недоступности прямому наблюдению процесса возникновения тройного обособления, морфологического, полового и локального обособления зарождающихся новых видов.

Явление видового **Дихроматизма**, как возможный фактор в историческом процессе видоформования. — Цветовые «фазы» диморфных видов, как внешне-эквивалентные видовым отличиям. Диморфные **Подорлики** — классический пример смешения таксономики виднейшими орнитологами.

Видовой дихроматизм, как явление, смягчающее два важнейших затруднения в процессе видоформования: обособление морфологическое и встречаемость различных близких видов в той же местности.

Моменты умозрения при объяснении возникновения сексуального обособления различных фаз диморфных видов.

О различиях в наследуемости дихроматичных фаз и видовых гибридов. Оперения дихроматичных цапель, помогающие увязать дихроматизм с видовой проблемой.

Видовой дихроматизм, как одна из вероятных форм Видообразования отвечающая двум главнейшим предпосылкам генезиса **Вида**: автономности локальной и морфологической. Постулятивность третьей предпосылки /половой: возникновение бесплодия или пониженной плодливости межвидовых гибридов/ но не большая, чем при обычном понимании Вида, как возникшего на базе усиления подвидовых отличий.

Видовой дихроматизм, как реальный довод против догмата полезности, витальной значимости видовых отличий, прокламированных **Дарвином**.

Моменты «умозрения», неизбежные, законные ингредиенты обобщений в любой науке, выходящей за пределы грубой эмпирии и не мало колеблющие основных принципов познания в мире материальных фактов и явлений.

Москва. Дарвиновский Музей

/Проф. А.Ф. Комс/

«Проблема вида в свете таксономики и видового дихроматизма птиц» .

Менее пяти лет нас отделяет от великой даты: от столетней годовщины опубликования великой **Дарвиновой** книги: «О Происхождении Видов».

Без пяти годов — столетие Дарвинизма!

И, конечно, все громадное значение этой книги и проблем, ею затронутых, не мало подтверждается тем фактом, что доселе их решение является предметом спора, если не по существу, то в отношении путей и форм обоснования.

Не говоря о негативном ригоризме в лагере ученых скептиков, даже среди заведомых и убежденных эволюционистов наших дней и нашей Родины имеется не мало лиц, считающих вопрос «видообразования» — проблемой дня и подлинно дискуссионным. И не даром к окончательному выяснению его приковано у нас внимание не только агрономов и ботаников, генетиков, зоологов и зоотехников, но и работающих в сфере высших синтезов науки — философии.

Естественно спросить: в чем же причины этих запоздалых споров и раздумий, этой недосказанности мысли, в свое время обозначившей начало новой эры для науки о живой природе? И чем объяснить тот факт, что, процарив без малого столетие, идеи **Дарвина**, вернее, основной идейный стержень дарвинизма, именно «Проблема Вида», снова выдвинута на передовую линию огня научной критики?

Как расценить эти сомнения и кому доверить окончательное их решение?

Под знаком ли крылатой мысли **Бэкона** о том, что «Истина — дочь Времени» и что, подобно многим утверждениям науки прошлого столетия, и дарвиновы рассуждения о «Виде» отзвучали вместе с «Веком Дарвинизма»?

И, однако, самая идея эволюции настолько глубоко проникла во все сферы человеческого знания и в сознание миллионов, что поколебать ее — затея, явно безнадежная и несерьезная.

В итоге — явный парадокс; неоспоримость эволюционного учения и поколебленность его опоры, именно «Учения о Виде».

В чем же основная трудность пересмотра и проверки этой мнимо пошатнувшейся «опоры»?

В историчности ли самого процесса изменяемости «Видов»?

И, однако, думать так — не значило бы это опоздать на целое столетие, вернувшись к фразе, брошенной профессором **Рулье**, сказавшим, что «Животный мир не подготовил для себя историков»!

Причины коренятся глубже, в том уже отмеченном парадоксальном факте, что подходят ныне к видовой проблеме не для утверждения эволюционного учения, но для ее — излишней в сущности — проверки.

Но отсюда — неизбежная поверхностность аргументации, понятна раз основной, конечный ее вывод предопределен заранее.

Да будет нам позволено прибегнуть к аналогии.

Известен афоризм видного французского ученого /Шарля **Рише**/, сказавшего, что в деле построения научных выводов и обобщений должно поступать столь же ответственно и строго, как при вынесении смертных приговоров.

А теперь представьте, что отмена приговора уже заранее предreshена. Аргументация защиты будет в этом случае совсем иная, менее старательная, чем в том случае, когда от ее тщательности целиком зависит весь исход процесса.

Но не то же ли в отношении «Видовой Проблемы»? Раз конечный вывод, эволюция живого мира, установлен, то проверка изменчивости видов лишена особой актуальности.

И только этим априорным взглядом на изменчивость последних можно объяснить ту нескритичность, ту поверхностность, с которой даже крупные ученые относятся порой к таксономическому рангу изучаемых объектов.

Но особенно это заметно именно в Орнитологии, опередившей большинство других зоологических наук по разработке систематики и таксономики. Достаточно напомнить про «тринарную номенклатуру», означавшую переворот в научной систематике, а косвенно — в конкретном изучении видовой проблемы.

Сказанное поясним примерами.

В одном из номеров английского журнала «**Endeavour**» /№ 17, Январь 1947/ в небольшой статье виднейшего британского зоолога **Джулиана Хаксли**, под названием «**Вид и Эволюция**», мы, наряду со многими примерами, находим превосходное изображение пяти миниатюрных птичек, именуемых **Чечетками**.

Приводим их название с кратким описанием.

I. **Carduelis Flammea**. /— cabaret/.

Мелкая, темная, сильно полосатая. Поясница и надхвостье темные. Британские О-ва, Вост. Франция, Сев. Италия, Австрия, Бавария.

II. **Обыкновенная** /номинальная/ **Carduelis Flammea flammea**.

Чуть крупнее и светлее. Поясница и надхвостье темные. Скандинавский П/О. — Сибирь, кроме самых сев. частей. — Канада.

III. **Южно-Гренландская**. /**Carduelis Flammea rostrata**/

Чуть еще крупнее, но темнее предыдущей. Надхвостье темное. Гренландия, к северу до 70° сев. широты.

IV. **Северо-Гренландская**. /**Carduelis Flammea hornemanni**/

Самая крупная и светлая. Поясница и надхвостье белые. Сев. Гренландия, к северу от 70° до 80° сев. широты.

V. **Пепельная Чечетка**. /**Carduelis Flammea exilipes**/

Мельче предыдущей, спинка чуть темнее. В остальном сходна с IV. Самые северные части Сибири и Канады.

Таковы пять форм чечеток в их главнейших диагнозах, как они наглядно выступают на табличке.

И на очереди расшифровка таксономики этой пятерки.

Принимая во внимание их абсолютно сходный «хабитус» и незначительность отличий лишь естественно признать их за «подвиды» той же птицы **Carduelis Flammea**.

Подкрепляется такое мнение и обособленностью их распространения, их мест гнездовых. Перед нами пять **локальных форм** той же чечетки, **C. Flammea cabaret, flammea, hornemanni, exilipes**.

Так именно расценены эти пять форм в классических с момента опубликования «Птицах Советского Союза» под редакцией наших крупнейших орнитологов, профессоров — **Гладкова** и **Дементьева**.

Не то — по мнению английского зоолога. Созвучно хорошо известный сводке **Хартерта**, **Джулиан Хаксли** видит в приведенных им пяти чечетках **представителей двух разных видов**, относя трех первых к виду **Carduelis Flammea** другие две к самостоятельному виду **Carduelis Hornemanni**.

Другой пример:

Касается он той же птицы, именно чечетки.

В фундаментальной сводке **Хартерта**, отчасти упомянутой, находим мы среди других подвидов этих птичек, под особым номером /125/ подвид **Acanthis Flammea holboellii** с отметкой в скобках (Вид? на место Подвида).

При ничтожнейших отличиях от номинальной формы (чуть крупнее с более массивным клювом) колебания **Хартерта** всецело обусловлены лишь тем, что эта «большеклювая» чечетка иногда гнездится там же, где и первая.

И только. Одного совместного, т.е. неразграниченного места гнездования казалось **Хартерту** достаточно, чтобы придать ничтожным в сущности отличиям значения видового ранга.

Перед нами снова показательный пример необычайно легкого малоответственного оперирования с таксономикой. Виднейший орнитолог **Хартерт** позабыл, что спорадическое гнездование двух разных форм в одной и той же местности совсем не предрешает отнесение обеих к разным **Видам**, что гнездиться могут наряду с типичной формой и бок-о-бок также особи «абerratивные», т.е. лишь индивидуально в чем либо отличные.

Так именно трактуется данный пример в нашем Советском «Шеститомнике» (**Птицы Советского Союза**) и, конечно, с полным основанием.

Приведенные два случая — типичны: Некритично и легко бросаясь терминами «**Вид**» и «**Подвид**», оба автора **Хаксли** и **Хартерт**, почитают себя в праве не входить в детали таксономики, раз изменимость видов доказана и самые понятия «подвид» и «вид» — только условны, представляя разные этапы, или стадии процесса видоформирования.

На примерах типа приведенных отражается, как в фокусе, вся сущность видной проблемы и наивность разрешения ее без скрупулезнейшего соблюдения принципов современной таксономики.

И в самом деле. Встанем на позицию английского ученого: пять разбираемых пичужек должно отнести к двум разным **Видам**.

Если так, то, принимая во внимание наличие тончайших переходов между ними, следует признать «проблему вида» полностью решенной и дальнейшую аргументацию излишней.

Но на деле это далеко не так, и «пять чечеток Джулиана **Хаксли**» лишь показывают нам, что даже современная **тринарная** номенклатура не оберегает от поспешных выводов и заключений.

Но насколько больше призывает к упрощенчеству в трактовке «**Вида**» прежняя **бинарная** номенклатура! Хорошо известно, что к исходу первой половины прошлого столетия, т.е. ко времени писания дарвиновой

книги, в зоологии царила безраздельно именно она, эта бинарная номенклатура, покрывавшая собой все внутривидовые комплексы и уклонения, и всего прежде все локальные, географические формы.

А поскольку эти формы связаны обычно переходами, эту преемственность подвидов принимали за преемственность **видовую**, не подозревая, что искомая фактическая эволюция живых существ подменена словесной и воображаемой.

Все это слишком хорошо известно, как и то, что на смешении изменчивости разного таксономического ранга целиком основано суждение **Дарвина** о «трудности разграничения видов от разновидностей».

Это последнее понятие было особенно фатальным: сборное, суммарное, оно охватывало самые разнообразные уклонения от «нормы», также понимавшейся вполне условно.

Хорошо известного под словом «Varieties» «Разновидности» **Дарвин** разумел все изменения внутривидового ранга, будь то групповые (именно локальные подвиды), или индивидуальные (Модификации, морфы, вариететы). И приходится глубоко сожалеть, что этот сборный и дезориентирующий термин «Разновидность» продолжает фигурировать в нашей литературе, в частности, при переводах дарвиновских книг.

Отсюда явствует, что основным условием для плодотворного суждения о «**Виде**» следует считать возможно точное установление **таксономического ранга** изучаемых объектов.

Здесь уместно вспомнить о том главном доводе, который вынудил когда то **Дарвина** склониться к мысли об изменчивости Видов: спорности гранд естественно-научных «**Видов**», их деление на «хорошие» и на «плохие» виды.

В свете современных знаний Дарвиновы «плохие виды» суть всего прежде местные, географические формы (Подвиды), в центре ареалов столь же постоянные, как и объединяющие их видовые комплексы.

Тем любопытнее значительное разногласие, доселе наблюдаемое по вопросу о реальности разграничения этих двух исходных категорий систематики, именно **Вида** и **Подвида**.

Так, по мнению **Эрнста Майра** /fide Дж. **Хаксли**/ среди тысяч так наз. видов птиц приходится менее одного процента видов спорных и сомнительных /«**Endeavour**» Species and Evolution, p.3/

Но тот же автор **Майр** /fide **Дементьев**/ из 755 видов птиц Сев. Америки насчитывает 94 случая форм промежуточных между видом и подвидом.

Объяснить эту разноречивость мнения того же автора возможно только, если мы учтем практические трудности при применении трех предпосылок и критериев определения **Вида** в отношении высших позвоночных, в частности, для птиц.

Эти критерии общеизвестны и теоретически неоспоримы.

Вопреки этой общеизвестности, полезно сопоставить еще раз три основных условия признания самостоятельности видового комплекса:

I. Отсутствие связующих и переходных форм.

II. Бесплодие, или пониженная плодовитость видовых гибридов.

III. Встречаемость различных близких видов в той же местности (что для подвидов мыслимо лишь на границах смежных ареалов)

Такова тройная обособленность, типичная для современных видов: морфологическая, половая и локальная.

Из них лишь первая и третья могут быть доступны эмпирическому изучению, тогда как «половой момент», т.е. бесплодие или пониженная плодовитость видовых гибридов принимается обычно лишь по аналогии.

Важнее тот обычно забываемый факт, что все три момента, характеризующие природу **Вида** в исторической своей интерпретации включают элементы **умозрения**.

Так, говоря об обособленности **морфологической**, мы во внимание к прерывчатости, наблюдаемой между видами, вынуждены восполнять эти «прорывы» **умозрительно**, предполагая, что когда-то, в прошлом, эти явственно разрозненные ныне виды были связаны взаимно переходами, как современные подвиды.

Равным образом, по линии **локальной** обособленности, столь же **умозрительно** приводится предполагать, что некогда, на том же ареале, среди данной популяции определенного подвида возникла новая диапозона видовой ранга.

Также **умозрительно** приходится предполагать, что при известных ближе нераскрытых обстоятельствах, часть некоей популяции подвида может проявить пониженную плодовитость, или водное бесплодие при скрещивании с исходной частью.

Существуют, правда, указания на то, что даже в современной фауне наблюдаются примеры «переходов» от подвида к виду (Г.П. **Дементьев** 1936, 1938, 1954), «случаи, когда, применяя обычные критерии вида в зоологии...., исследователь не может установить имеет ли он дело с видом или подвидом». (1954, стр. 533).

Но, не отрицая позитивного значения подобных случаев, нельзя не указать, что таково оно лишь для сложившегося дарвиниста, дедуктивно привносящего идею исторического изменения в соотношении рассматриваемых групп.

Не то в глазах зоолога индуктивиста, ищущего доказательства, а не готовой иллюстрации изменчивости видов.

При таком критическом и непредвзятом трактовании вопроса двойственность природы упомянутых примеров (пограничной между видом и подвидом) может быть одинаково истолкованной как в положительную сторону («Вид вырастает из подвида»), так и в отрицательную (трансгрессивное частичное сближение вида и подвида, занижение таксономического ранга форм, совместно наблюдаемых, неполнота фактического материала..)

И понятно, почему. В обоих толкованиях двойственность явления оставляет слишком много места и возможностей для субъективных установок, будь то в отношении таксономических оценок (превышения систематического ранга), или допущения фактора бесплодия, конкретно вообще лишь редко доказуемого.

Таково тройное начало **умозрения**, входящее незримо- неизбежно в обсуждении видовой проблемы при ее обычном разрешении за счет предполагаемого «выростания вида из подвида» и отчасти умаляющее убедительность аргументации.

Бесспорно также, что при этом выведении **Вида** из локальных форм подвидовой ранга вся аргументация вращается вокруг довольно мелких признаков, самой subtilностью дающих повод к субъективности в таксономических оценках.

Но естественно спросить: всегда ли общепринятые три критерия самостоятельности **Вида** познаются в отношении их генезиса лишь в порядке умозрения? И неизвестны ли примеры признаков, или особенностей видовой ранга, регулярно проявляющихся в той же популяции и в форме, позволяющей конкретно- объективно, а не субъективно-умозрительно понять историю видообразования, или хотя бы лишь одну из форм ее осуществления?

В решении этого вопроса, нам уместным кажется остановиться на одном явлении, давно известном, но доселе мало оцененном: на явлении **Видового Диморфизма**, или, правильнее говоря, **Дихроматизма**.

И действительно, что может быть парадоксальнее существования нескольких десятков видов, регулярно наблюдаемых в двух разных типах одеяний, независимых от возраста и пола, в той же популяции, на том же ареале, в том же выводке, при абсолютно сходных внешних окружающих условиях температуры, почвы, света, влажности и корма...

Обращаясь к птицам, здесь достаточно напомнить только два примера, любопытных тем, что разные два оперения той же птицы долго и упорно принимались за принадлежащих к разным видам.

Давним и классическим примером этого дихроматизма представляется общеизвестный «**Орел-Карлик**» /*Aquila Pennata*/ в его двух нарядах или фазах: **Светлом** оперении и **темном**.

В какой мере эта двойственность окрасок симулирует особенности видового ранга, — явствует хотя бы из того, что два крупнейших орнитолога, один, прославленный своим «орлиным глазом» **Людвиг Брэм**, в начале прошлого столетия, другой — в его исходе, именно былой глава российских орнитологов, профессор **Мензбир**, до конца придерживались взгляда на наличие двух разных **Видов** Карлика-Орла, именно:

Светло-брюхого **Aquila Pennata**
и Темного **Aquila Minuta**

Эквивалентность этих двух различных типов оперения свойствам **видового** ранга не внушала этим двум ученым ни малейшего сомнения.

Фактически же перед нами, как известно, случай расщепления взрослого наряда той же птицы на две «фазы», темную и светлую, не связанные с полом, возрастом и хорошо заметные уже в птенцовом, гнездовом наряде.

Хорошо известно также, главным образом по наблюдениям и сборам преждевременно умершего, талантливого, молодого орнитолога **О.А. Харузина**, что гнездовые пары могут быть то однотипные, то разномастные. Что же касается птенцов, то как показывает поучительная серия орлиных выводков, имеющих в **Дарвиновском Музее**, птенцы темные и светлые могут встречаться как в одном и том же выводке, так и распределенными по разным, независимо от оперения родителей.

Все это слишком хорошо известно. Любопытнее другое, именно тот факт, что случаи подобного дихроматизма недостаточно использованы до сих пор теоретически для понимания видовой проблемы.

Но сначала о другом примере, менее банальном.

Мы имеем здесь в виду глубоко поучительный пример того, как долго и упорно укрывалась истинная сущность одной птицы от известных орнитологов.

Описанный больше ста лет тому назад из Индии «**Желтый Подорлик**» /**Aquila Fulves Cens Gray**/ не мало причинил хлопот ученым, прежде чем раскрыть свою природу, именно как «хромистическая» фаза оперения обыкновенного Подорлика /**Aquila Glanga**/.

Пользуюсь случаем продемонстрировать, хотя бы в виде фотоснимков, знаменитую во многих отношениях пару орлят на взлете, вынутую из гнезда в бывшей Владимирской губернии, в бывшем имении **А.П. Шорыгина** и переданную им **Дарвиновскому Музею**. Нахождение в том же гнезде орленка темного, обыкновенного, и «желтого» — решило навсегда вопрос об истинной природе этого последнего.

Всецело опуская ряд других общеизвестных случаев дихроматизма (многих **Сов** и некоторых **Поморников**) полезно несколько остановиться на теоретической оценке этого явления.

Перед нами любопытный факт: из трех характерных особенностей **Вида**, обособленности морфологической, локальной и половой — две первые присущи «видовым диморфным фазам».

«Желтый Подорлик» резко обособлен от обыкновенного и по окраске (ранга видового), и по местообитанию, попадаясь вместе, наряду с обыкновенным.

То же самое относится к дихроматизму **Орла-Карлика**.

И только третий признак: автономность половая, именно бесплодие, или пониженная плодовитость, свойственные видовым гибридам, у диморфных видов отпадает.

А теперь попробуем взглянуть на этот видовой дихроматизм с точки зрения **проблемы Вида**.

В отношении цветовых различий двойственных диморфным видам, таковые, как мы видели, не уступают «видовым» и не случайно ряд крупнейших орнитологов (**Герней, Флэнфорд, Мензбир, Сушкин**) объявили «Желтого Подорлика» — особым **Видом**.

Равным образом, совместная встречаемость обеих фаз решает основную трудность видовой проблемы, — переход подвидов, локально исключаящих друг друга, к автономному по местообитанию виду, т.е. гнездование даже близких видов на одном и том же ареале.

И лишь третий признак, именно бесплодие, или пониженная плодовитость видовых гибридов, отпадает для дихроматичных видов.

Таким образом один лишь этот признак, плодовитость скрещивания птиц различных фаз, противоречит видовым гибридам и нуждается в теоретической и умозрительной поправке, т.е. в допущении, что при каких-то, ближе неизвестных нам условиях — бесплодие, или пониженная плодовитость помесей различных «фаз» могла бы постепенно и со временем установиться.

Пусть не скажут нам, что это только «умозрение»! Ведь, выводя, как то обычно принято — «**Вид**» из «локальной формы», мы ведь тоже пользуемся умозрением, предполагая, что при длительном влиянии нам ближе неизвестных факторов, эта стерильность видовых гибридов как то в состоянии возникнуть и упрочиться.

И разница лишь в том, что при обычном выведении **Вида** из локальной формы прибегать приходится к **тройному** умозрению, **предполагая** усиление подвидовых особенностей до видового ранга, **допуская** постепенное локальное обособление вида, **допуская** постепенное (или внезапное!) возникновение стерильности межвидовых гибридов.

Акцентируя же роль дихроматичных видов, как одну из форм видообразования, нам пришлось бы обращаться к умозрению лишь **однажды**, по вопросу о возникновении межвидовой стерильности.

Там — три, а здесь — один лишь повод пользоваться умозрением.

Легко предвидеть, между тем, три возражения. Нам скажут: случаи, подобные двум приведенным, все же единичны, что особенно касается примера «Желтого Подорлика». Пара десятков нахождения его лишь плохо вяжется с предполагаемым значением дихроматизма, как начального этапа видоформования.

Второе замечание. Характер расщепления диморфных фаз по типу самых подлинных «моногибридов» плохо согласуется со скрещиванием настоящих видов, помеси которых, как известно, получаются по типу «промежуточного» наследования, а не альтернативного.

И, наконец, последнее соображение. Нам скажут, что, как ни заметно разнятся наряды у Подорликов обыкновенного и «желтого», эти различия касаются лишь цвета оперения, при сохранении пластических особенностей вида. От «Дихроматизма» далеко до «диморфизма».

Таковы естественные три сомнения.

Начнем с первого. Не говоря о том, что, как известно в ряде случаев, дихроматическое оперение охватывает весь состав данного вида (тот же Орел-Карлик, многие Поморники, многие Совы), стоит привести примеры, также хорошо известные, но мало оцененные дарвинистически: мы разумею замечательных дихроматичных **Цапель** Дальнего Востока, Океании, Южной и Сев. Америки.

Напомним маленьких изящных Цапель группы **Florida Coerulea**. Особи голубовато-аспидные с ржавой головой и шеей, рядом — птицы белоснежные, лишь с темными концами крыльев. Тут же промежуточные по окраске особи, то светлые с вкрапленными частями темного пера, то темные и с белыми пестринами в различных сочетаниях...

И все эти несходные наряды можно наблюдать у разных членов той же гнездовой колонии и на любом участке местообитания этих птиц.

Присматриваясь ближе, можно без труда заметить характерную деталь: различную сохранность оперения темного и светлого.

Первое — свежее, необбитое, второй — тертое, обношенное.

Темное перо является вторым по времени, за правило присуще лишь старой птице и сменяет молодое белое. Птицы вначале — белые точнее, таково их ювенальное перо, теряемое при последующих линьках. Птицы пестрые — суть переходные по возрасту.

Но замечательно, что эта временная белизна нередко сохраняется у старых птиц, мы словно застаем животное в процессе возрастающего закрепления белого пера через захватывание все более поздних стадий индивидуального развития.

Легко вообразить, что продолжаясь далее, переходя от молодого оперения на взрослое, от единичных особей на большее число их, это побеление может привести к единоличному господству только белых птиц, пройдя этап лишь временного диморфизма.

Уместность этого предположения тем большая, что в той же группе цапель можно подыскать пример частичного его осуществления.

В населяющей огромные пространства от Малайского Архипелага и Кореи до Австралии и Полинезии миниатюрной цапле, называемом **Demiegretta Sacra**, мы как раз встречаемся с подобным диморфизмом.

В большей части своего распространения эти цапли позволяют различить две фазы: **темную** и **белую**, при том в любое время года, независимо от пола и во взрослом состоянии (в молодости оперение этих птиц обоих типов одинаково и приближается к окраске темной фазы). Особи обоих типов скрещиваются и дают гибридов пестрых, темных с белыми пестринами. Однако, чаще пары состояются из сходных по окраске особей. Так, или иначе, но птицы белые и темные встречаются бок-о-бок, вперемежку, в той же гнездовой колонии. Но разномастные по внешности эти колонии составлены по преимуществу из однородных по окраске семей.

От такого внутренне-колониального обособления нетрудно перейти к обособлению географическому.

И действительно, есть указания на то, что в некоторых пунктах общего распространения этих цапель (в некоторых местах Китая) птицы темной фазы неизвестны и, напротив, близкие к «**Демиегретте**» формы, выделяемые иногда под именем **Demiegretta Eulophotes** существуют только в белых особях, там самым приближаясь к состоянию многих цапель, характеризующихся белым оперением.

Приведенные примеры хорошо показывают нам не только любопытную градацию в укоренении белого наряда, но возможность проследить наглядно вероятные ступени закрепления его, начав с мономорфизма темного, через дихроматизм возрастной, отсюда к диморфизму взрослых цапель и кончая только белым оперением типа нашей мономорфной Малой белой цапли /**Egretta Garzetta**/.

Одновременно примеры эти иллюстрируют двоякий тип наследования белого наряда, то «альтернативного», то «промежуточного» мозаичного.

Нам остается рассмотреть упрек в смешении изменчивости отдельных признаков и самих организмов, генезиса **Вида** и отдельных видовых отличий.

Хорошо известно, что виды животных характеризуются обычно не отдельными лишь признаками, но их совокупностью и тем неуловимым «нечто», что фаунисты- систематики обозначают словом «**Habitus**».

Однако, это не передаваемый словами и лишь очень опытной рукой большого мастера- художника-анималиста специфичный облик птицы всего чаще выражает свойства **родового** и **подродового** ранга и имеется не мало видов, интересных именно одним особенно заметным признаком, хотя бы не диагностичным. Объяснить его происхождение — значило бы разгадать природу «**Вида**».

Что же до происхождения «**Habitus**», то невыразимая словами эта совокупность мелких характерных черт, конечно, всего более сводима к столь же **тонким** и **неуловимым** факторам среды, расшифровать которые мы столь же мало властны, как и самые детали очертания и формы тела данной птицы, характерных даже независимо от цвета и узоров оперения и уловимых даже на бесцветном, темном силуэте.

Более чем где либо приходится считаться здесь с известным изречением **Линнея**, что «не признаки определяют **вид**, а вид определяет признаки»

Заканчивая наш доклад, полезно еще раз, ценой упрека в повторяемости, восстановить главнейшие итоги.

Помятуя основное правило **Декарта** (трудные проблемы разделять на дробные), начнем с элементарного разграничения двух основных слагаемых идеи эволюции живой природы:

А. Доказательства изменчивости Видов

В. Причины таковой.

А. Вне свидетельств, доставляемых всей совокупностью наук, проблема **Вида** разрешается только частично данными прямого наблюдения.

Эти последние двояки:

- a. Либо данные географических, локальных форм, сменяющихся в смежно обитаемых районах, форм плодильных при взаимном скрещивании, но взаимно отличающихся признаками **ниже-видового ранга**.
- b. Либо данные дихроматичных видов, хорошо показывающих, как в той же местности возможны отклонения **видового** ранга, но вполне плодильные при скрещивании с исходной формой.

Ни одна из этих двух различных форм изменчивости не решает видовой проблемы эмпирически, нуждаясь в привнесении **умозрительного** элемента.

- a. При попытке толкования **Вида**, как «обособившегося» Подвида, нам приходится прибегнуть к умозрению в **тройном** отношении: при **допущении** возникновения качественных отличий видового ранга, **допущении** появления бесплодия при скрещивании с исходной популяцией, при **допущении** локального обособления.

Этот тройной процесс аргументации отчасти облегчался бы при **допущении** момента эмиграции и изоляции с последующим возвращением «измененных эмигрантов» к прежней и исходной популяции. Но осложнять процессы видоформирования этим **четвертым умозрительным** предположением едва ли рационально, кроме случаев реально обоснованных.

- b. Насколько иначе нам рисуется процесс видообразования на базе **видового диморфизма**. Здесь заранее и с самого начала обеспечены два свойства нового, самостоятельного вида: качественные отличия видового ранга и встречаемость среди исходной популяции. И только элемент бесплодия (или пониженной плодовитости) пришлось бы умозрительно внести в этот воображаемый процесс видообразования.

В. Обращаясь ко второму пункту видовой проблемы, именно к вопросу о **причинах**, факторах видообразования, нетрудно видеть что и здесь не обойтись без умозрительного элемента, но участие его неодинаково, завися от подхода в объяснении процесса.

- a. Так при выделения новых видов из подвидового состояния (локальных форм), легко представить, что главным стимулом такого «выростания» первых из вторых является лишь более длительное действие среды, влияние которой на образование локальных форм бесспорно, а отчасти непосредственно доказано.

При всей логичности признания такой аккумуляции итогов действия среды, оно является лишь постулатом, а не следствием прямого наблюдения.

- b. Отчасти этот умозрительный момент снижается при обращении к другому типу видоформирования, а именно, за счет диморфных видов, у которых обе фазы оперения встречаются бок-о-бок.

Самый факт одновременного обитания в той же местности, при том же климате, при том же корме форм с различиями видового ранга призывает к осторожности в суждении о роли внешних факторов в процессе изменчивости видов.

Ни прямым влиянием среды, но косвенным (участием Подбора) не понять, не объяснить многообразие окрасок оперения диморфных **Цапель** и **Подорликов**, этих типичнейших «моногибридов» по терминологии генетиков.

Ни в агрессивных целях (для подорликов), ни в протективных (у диморфных цапель) двойственность, их одеяния не доставляют никакой поддержки для «утилитарного» истолкования.

Но если так, если не только птицы хищные (дихроматические кречета и ястребы), но даже беззащитные и маленькие цапли равно процветают в сизом, как и белом одеянии, то что сказать о несравненно менее

заметных различиях в окраске и рисунке оперения сотен **видов** птиц, об одеяниях бесполезных и невредных, но нейтральных, безразличных с точки зрения приспособления к жизненным условиям и обитаемой среде.

Отсюда явствует, что независимо от роли и значения дипломатичных видов для разгадки видовой проблемы, самое явление дихроматизма остается до сих пор неоцененным, как реальный довод против догмата полезности, «витальной значимости» видových отличий, прокламированной **Дарвином**.

Действительно, не будь в природе, на глазах у нас, дихроматических цапель, исторический процесс возникновения белоснежных птиц, по типу наших белых цапель был бы совершенно непонятен, ибо слишком явно контрастирующих с обитаемой средой.

Но этим самым зароняется сомнение в учении об адаптивности полезности, витальности окрасок и рисунков оперения громаднейшего большинства всех мономорфных видов, т.е. в роли и значении **Естественного Подбора** в историческом процессе генезиса **видových** отличий.

В заключении, возвращаясь к нашему исходному вопросу о причинах запоздавших споров о «**проблеме Вида**», можно сформулировать сильный и частичный наш ответ в следующих положениях:

- I. Отсутствие необходимой четкости терминологии, смешение таксономических понятий равного объема, приводящее к подмене «Видовой Проблемы» таковой происхождения признаков **над-видового**, или **внутри-видового** ранга.
- II. Неучитывание двух моментов, соучаствующих в обсуждении названной проблемы: **Эмпирического наблюдения и постулятивно-умозрительного элемента**. От соотношения обоих в широчайшей степени будет зависеть разрешение «видовой Проблемы».

Остается в заключении коснуться одного ответственного пункта наших рассуждений, именно повторное подчеркивание элемента **умозрения** в суждениях о тех, или иных моментах видоформирования.

Только учитывая частное — в устах людей, не отягченных философией, смешение понятий «умозрения» и «Метафизики», да будет здесь позволено закончить неуместным для естественно-научного доклада замечанием:

Именно в наши дни, когда всецело умозрительное построение былого мудреца Абдеры двухтысячелетней давности грозит взорвать физически нашу Планету, — менее, чем когда либо уместно смешивать понятия «метафизики» и «умозрения»!

Основатель /1896/ и Директор **Дарвиновского Музея** в Москве

Доктор биологических наук

/профессор А. Ф. Котс/

Иллюстрации

1. Пять географических форм /рас/ чечеток, трактуемых Хартертом и Джулианом Хаксли, как принадлежащих к двум разным видам:

(из «**Endeavour**» Volume V, Number 17, 1946. p.6. J.S. **Huxley** Species and evolution.

2. Владимирский дихроматичный выводок Большого Подорлика

а. Хромистическая морфа,

«*Aquila fulvescens* Gray».
Aquila clanga Pallas.

б. Обычная, темная. *Aquila clanga* Pallas

3. **Florida Caerulea L.** Темные (сизые), белые и пестрые особи той же гнездовой колонии. Вест-Индия, Гвиана, Бразилия.
4. **Demiegretta Sacra**, Gm. Пример типичного дихроматизма взрослых особей. Бенгальский залив, Малайя, Австралия.
5. **Demiegretta Eulophotes** лишь в белом оперении, трактуемая как обособившаяся за счет белой фазы предыдущего вида /Китай/